

ВОЗДЕЙСТВИЕ АРМЯНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ НА МИРОВОЗЗРЕНИЕ Ю.КАРАБЧИЕВСКОГО

Творчество Ю.Карабчиевского - явление неординарное в современной русской литературе. Инженер-ремонтник по профессии занял в русской прозе достойное место литературного критика и очеркиста. Лаконичный и предельно точный стиль Карабчиевского-прозаика определен воздействием технического образования. Раскрывая актуальные проблемы современного литературоведения и откликаясь на глобальные вопросы эпохи, Карабчиевский своим творчеством подтверждает неординарный синтез литературного мышления и скрупулезной точности механики.

Очерковая проза Ю.Карабчиевского неординарно отражает литературные познания и мировоззренческие концепции писателя. Здесь наиболее полно воплощены позиции писателя в отношении тех или иных вопросов человеческого бытия. Немаловажное место в художественном творчестве Ю.Карабчиевского отведено национальному вопросу, нашедшему своеобразное решение в армянской прозе писателя. Обращение к инациональной теме подводит писателя к раскрытию новых аспектов в сфере национального мышления и образа жизни.

Очерк "Тоска по Армении", как результат командировки Карабчиевского-инженера, был написан в 1978 году. Однако, вышедшее за рамки путевого очерка армянское произведение писателя было опубликовано в журнале "Литературная Армения" лишь в 1988 году, в эпоху гласности, когда национальный вопрос (и многие другие проблемы) стал достоянием всего общества.¹

Армянская проза Ю. Карабчиевского раскрывает не только аспект восприятия автором инационального мира жизни, но и проблему осмысления и переоценки собственных национальных и глобальных концепций. Многогранность познавательного процесса предопределяет разноплановый характер воздействия на мировоззрение. Необходимо отметить, что в данном процессе доминирует мотив сравнения судеб еврейского и армянского народов. Сравнивая еврейскую и армянскую действительности, Карабчиевский отмечает удивительную стойкость национального духа как ведущий фактор жизненной установки наций, переживших геноцид. Проблема геноцида намечена в очерке в плане подтемы, и лишь в заключении она представлена как ведущий аспект познания армянских и переоценке собственных национальных реалий.

Тема геноцида в очерке развита в неординарном архитектурном ракурсе. Карабчиевский описывает памятник жертвам геноцида не как достопримечательность столицы Армении, а как гениальное архитектурное воспроизведение событий. Возвеличивая значение архитектурного ансамбля Цицернакаберд, автор пишет о своем негативном отношении к памятникам вообще. По мнению писателя, памятники не представляют историю, а навязывают свою трактовку событий, являясь насильем над свободой оценок и мнений. В описании Карабчиевским памятников намечается злая ирония и сарказм. Он видит в памятниках не каменное воплощение оригинала, а лишь пародию, маску, как в случае с памятником Таманяну. "Хитрая рожа буфетчика Рафика, - пишет Карабчиевский, - вот подлинное лицо рукотворного бессмертия!" Или же памятники приводят писателя в замешательство, наводят страх, и он сравнивает себя с пушкинским Евгением из "Медного всадника"².

Цицернакаберд Карабчиевский причислил к исключениям, так как это не только архитектурное воспроизведение событий, но и воплощение всепоглощающей скорби. Воздействие памятника на писателя возрастает по мере осознания чужой и собственной боли. Именно здесь он приходит к выводу, что не древность и

¹ Ю. Карабчиевский, *Тоска по Армении*, "Литературная Армения", 1988, 7, стр. 57-88; 8, стр. 65-91.

² Там же, стр. 89.

многовековая культура сближают евреев и армян, а белые пятна истории. Писатель раскрывает всю близость судеб многострадальных наций и особо отмечает связь современных поколений. "Естественная близость и понимание и взаимное утешение все потерявших, но оставленных богом жить для какой-то Ему лишь ведомой цели. Это близость и родственность Иова — Иову, это притяжение сироты к сироте",- пишет Карабчиевский.³

И далее, продолжая традицию А.Битова, писатель раскрывает тему с общечеловеческих позиций. Трагедия не только в том, что истреблены две трети обеих наций, но еще и в том, что одна нация может возненавидеть и истребить другую, и от этого никто не застрахован. Беззащитность одних и безнаказанность других предопределяют, по мнению Карабчиевского, первый шаг к человеконенавистничеству в целом. Однако, эта концепция усугубляется личностными воззрениями автора, что приводит к рассмотрению проблемы с сугубо национальных позиций. Данный аспект раскрытия темы обусловил не только глубочайшее восприятие армянского мира жизни, но и переосмысление собственных национальных концепций, ранее не нашедших столь основательного изучения.

На теории параллелизации судеб еврейского и армянского народов возрастает одна из ведущих тем очерка — проблема национальности автора. В инонациональной среде эта проблема обстрагивается и получает неординарное решение. В России это "вопрос обязательный к написанию и запрещенный к произнесению"⁴, что объясняется господствующей позицией россиян. В Армении же эта проблема поставлена просто и естественно: здесь Карабчиевский находит понимание и поддержку. Подобное отношение вызывает в писателе самые разные чувства: уверенность, легкость в общении и, самое главное, благодарность. Именно благодарностью лежит в основе восприятия писателем инонационального мира, где подтверждается его русскоязычное мышление и выявляется подсознательное национальное начало. Карабчиевский пишет: "Надо было приехать в Армению, чтобы почувствовать себя настоящим русским, и не хуже, и не беднее от того, что еврей, а наоборот богаче и шире...- это останется и утвердится как главная моя благодарность армянам"⁵.

Осознав собственную национальную субстанцию и выявив в ней сходные аспекты с армянским национальным менталитетом, Карабчиевский отмечает и существенную разницу в ракурсе самоутверждения наций. "Где бы ты ни был, кричи - я армянин!"⁶ — эта фраза В.Сарояна определяет основу армянского национального мышления и в корне противоречит еврейскому и русскому менталитету. Самооценка армян наполнена гордостью, мужеством. Тот же отзыв в устах русского или еврея приобретает пародийное значение. Примечательно, что Карабчиевский проводит параллели в двуязычной сфере: русской и еврейской. В результате он выделяет некий сплав двунациональной основы собственного мышления. И далее в ракурсе концепции сплава рассмотрен вопрос связи языка и национальности. Тема языка явилась своеобразным лейтмотивом очерка, как тема камня в армянской прозе В.Гроссмана.

Карабчиевский глубоко и многогранно изучает сферу языкового феномена армянского менталитета. Вслед за Мандельштамом писатель выделяет аспект соотношения звуковой оболочки и лексического значения слова. Эпитеты, данные писателем языку, восходят к армянским стихам Мандельштама. "Плотный, насыщенный, физически ощутимый"⁷ - пишет Карабчиевский о языке и далее продолжает битовскую "игру в слова". Однако, эта игра носит не развлекательный, а познавательный характер. Писатель часто прибегает к дословному переводу, чтобы максимально точно воспроизвести суть оригинала. Например, он поясняет, что матнакаш это следы от пальцев. Столь неординарный ракурс раскрытия проблемы на основе языковых данных приводит писателя к выявлению аспекта самовыражения армянского национального мышления.

³ Ю. Карабчиевский, указ. соч. "Литературная Армения", 8, стр.90.

⁴ Там же, 7, стр. 63.

⁵ Там же, 7, стр. 64.

⁶ Там же, стр. 80.

⁷ Там же, стр. 76.

Проблема языка рассмотрена так же в ракурсе русской речи армян. Вопрос армянского акцента, отмеченного В.Гроссманом и А.Битовым, затронут и в очерке Карабчиевского. Автор в письменной форме передает все казусы русской речи армян. При этом он не просто воспроизводит исковерканные фразы, а передает особенности национального мышления в иноязычной речи. Фраза "соединяю телевизор"⁸ приписывается одному из героев очерка, который дословно переводит с армянского: «Դիւցնել հիպուսուցնելը». В результате слово "включаю" заменено словом "соединяю", что противоречит лексико-грамматическим нормам русского языка. На ряде подобных примеров Карабчиевский выводит аспект взаимосвязанности языка и национального мышления.

Язык и национальность - на каком уровне они взаимосвязаны, где намечаются общие грани? Эти вопросы возникают у писателя при выявлении воздействия армянского национального характера на языковую сферу деятельности. И далее проблема рассмотрена в ракурсе связи языка и национального мышления в общем.

Данная проблема раскрыта с сугубо индивидуалистических позиций, так как Карабчиевский не знал идиш. Писатель исследует связь собственного языкового мышления и национальности и в результате приходит к определенным выводам относительно понятия "родной язык". Карабчиевский подвергает скрупулезному анализу все свои языковые данные и возможные варианты. Он отмечает какое-то несовершенство, неопределенность в его языковом мышлении, которое не воспроизводит его национальный характер. Родной же язык отражает самые тонкие нюансы национального менталитета. Незнание родного языка не исключает его теплоту и наполненность, тогда как неродной язык, независимо от степени владения, холоден и недоступен. В результате автор приходит к выводу, что в русском языке он "задыхается", а в родном он "безжизненен". А мыслит он на русском потому, что другого не знает, ибо такова его судьба и судьба его нации. И далее писатель выводит ведущий аспект связи языка и национальности: "Любим мы свой язык не за то-то и то-то и даже не за то, что он единственный, а за то, что боль его - наша боль, кровь его - наша кровь и судьба его - наша судьба".⁹

На первый взгляд данная концепция ставит Карабчиевского в безвыходное положение, где языковое мышление не соответствует национальному менталитету. Однако, писатель выдвигает еще одну теорию, которая опирается на его литературное творчество. Исследуя феномен связи национальности и иноязычного творчества таких писателей как Кафка, Конрад, Пастернак, Манделштам, Карабчиевский приходит к выводу, что "отечество писателя - его язык".¹⁰ С данной точки зрения он пытается рассмотреть творчество В.Сарояна. Но англоязычное творчество В.Сарояна выходит за рамки данной теории, ибо в центре его творчества стоит не английский и не американский, а именно армянский национальный тип, также как в русской прозе Бабеля ("Одесские рассказы") раскрыт еврейский национальный характер.

Все эти размышления подводят автора к проблеме связи собственных национальных и языковых концепций. И если Карабчиевский мыслит и пишет на русском и считает себя представителем русской культуры, то как же связаны его творчество и национальность. Эта связь, по мнению писателя, находится на подсознательном уровне, и, в результате, его творчество обретает своеобразную двуплановую основу. Уникальность этой концепции объясняет творческий поиск и неординарное самовыражение писателя. Это космополитизм не только творчества, но и эстетических взглядов писателя, утверждающего, "что в творчестве, как и в природе, только двойственность приносит плоды"¹¹.

В ракурсе теории двойственности Карабчиевский раскрывает так же аспект отношения к родине. Армянская национальная действительность, где обострена проблематика территориальных и исторических ценностей, приводит автора к мысли о значимости данных понятий. Ранее писатель не затрагивал дан-

⁸ Ю. Карабчиевский, Указ. соч., "Литературная Армения", 7, стр. 77.

⁹ Там же, стр. 70.

¹⁰ Там же, стр. 80.

¹¹ Там же, стр. 72.

ного вопроса, так как с российской точки зрения он не сталкивался с проблемой территории, ее "было больше, чем надо".¹² В призме же еврейского мировоззрения проблема не возникала за отсутствием понятия родная земля. В результате, сравнивая данный аспект армянского менталитета с собственными национальными воззрениями, Карабчиевский постигает феномен родины. В данном процессе определяющим для писателя является чувство, как и у Г.Матевосяна. Связь армянского писателя с судьбой своей нации подводит автора к осознанию собственной концепции родины, которая сводится не только к любви, но и, как это ни парадоксально, к тоске. "Нет Армении, как нет и России. Есть любовь к Армении и тоска по Армении, как есть любовь и тоска по России... Любовь к родине и тоска по родине — это и есть сама родина. Не предметы, на которые направлены чувства, а сами чувства — любовь и тоска", — заключает Карабчиевский.¹³ Эта концепция, лежащая в основе мировоззрения Г.Матевосяна, открывает писателю не только аспект инационального характера, но и основу собственного отношения к феномену родины.

Данная концепция родины и поднятый круг вопросов, подводит писателя к осознанию значимости собственных национальных ценностей. Таким образом, армянская проза писателя, по мере раскрытия аспектов инационального мира жизни, приводит к постижению Карабчиевским собственных национальных реалий и ценностей.

Однако, армянская тема не только определяет национальную проблематику очерка, но и подводит автора к вопросам глобального характера, таким как одиночество, влияние денег на человеческую натуру, взаимоотношения гостя и хозяина.

Тема гостеприимства, рассмотренная в ракурсе кавказских традиций армянского быта, расширена до психологической проблемы вне национальных рамок. Карабчиевский пишет, что кормить входящего простонародный обычай, в то же время он отмечает, что это-выражение доброжелательства, приглашение к раскованности. Писатель тонко раскрывает психологию бедного и богатого хозяина и незванного гостя. Здесь самые банальные фразы не просто иронизируют, а гротескно высмеивают пороки человеческого общества, восходящие к проблеме денежной зависимости человеческой натуры.

В очерке Карабчиевский не раз затрагивал тему тлетворного влияния денег на человека, независимо от времени и места жительства. С определенной долей юмора и иронии писатель задает вопрос: иметь или не иметь автомобиль — "эту вожаделенную шинель советского быта".¹⁴ Тем самым автор зло высмеивает денежную обусловленность современной действительности, где все блага жизни зависят "от наличия жалкой тридцатки"¹⁵.

Своеобразно развит в очерке мотив одиночества. Писатель отмечает, что стремление к одиночеству — это не пессимизм, а попытка оценить величие окружающего мира, осознать свое место в нем. Такая возможность была дана писателю в Армении, где одиночество было предопределено языковым барьером инациональной действительности.

Мотив одиночества определяет также интимный аспект армянской прозы Карабчиевского. Столь личностный подход к теме объясняется жанром книги и личностью автора, совмещающего профессии инженера и прозаика. Фактически очерк — это прозаический отчет о командировке Карабчиевского -механика, в итоге в нем наглядно проявляется инженерная тематика. Здесь писатель с точностью механика определяет ту или иную категорию человеческого бытия. В этом плане интересны параллели, проведенные Карабчиевским между человеческим обществом и технологией приборов. Он сравнивает предпринимателей с шестеренкой, которая вращается против заданного направления и тем самым калечит весь механизм. Или же сравнивается движение электронов с движением человеческой жизни, где нет пути обратно, нет возможности бунта, все идет в заранее определенном направлении.

¹² Ю. Карабчиевский, Указ.соч., "Литературная Армения", 7, стр. 75.

¹³ Там же, 8, стр. 91.

¹⁴ Там же, стр. 77.

¹⁵ Там же, стр. 77.

Наряду с инженерной тематикой в очерке проявляются литературоведческие взгляды Карабчиевского. Здесь писатель упоминает более тридцати имен русских и зарубежных писателей, творчеству каждого из которых он дает свою оценку. Персонажи очерка сравниваются с известными литературными героями: Олег-Длинные ноги, Сергей-Сусанин. При этом Карабчиевский не боится наслоения литературных традиций и утрирования собственных творческих концепций. На этом широком литературном фоне вырисовывается неординарный стиль писателя-инженера и критика.

Интересны в этом плане методы художественного воспроизведения событий в очерке. Карабчиевский утрирует диалоги с героями очерка, в то же время свои мысли записывает в вопросно-ответной форме. В очерке также наблюдается хронологическое смещение событий. Писатель раздвигает временные рамки повествования и описывает последующие события в настоящем времени. Карабчиевский заранее знает, где и как его встретят и как он проведет время. Данный прием не только делает повествование живым и занимательным, но и подчеркивает достаточное знакомство его с объектом.

Столь своеобразный стиль армянской прозы Карабчиевского является воплощением мировоззрения человека многопланового и в своих творческих и национально-ценностных пристрастиях.

ՀԱՅ ԱԶԳԱՅԻՆ ԻՐԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ ԱԶԳԵՑՈՒԹՅՈՒՆԸ ՅՈՒՎԱՐԱԲՉԻԿՎՍԿՈՒ ԱՇԽԱՐՀԱՅԵՑՈՂՈՒԹՅԱՆ ՎՐԱ

----- Ամփոփում -----

----- Է. Մաթևոսյան -----

Հաղորդման մեջ ներկայացված է հայ իրականության ազդեցությունը ուս գրող Յու.Կարաբչիևսկու գեղագիտական և աշխարհայեցողական ընկալումների վրա: Քննվում են գրողի մտեցումները հայ և հրեա ժողովուրդների ճակատագրերի մեծամասշտաբային հարցում՝ հատկապես ցեղասպանության հետ կապված, որը նրա կողմից դիտվում է մահ որպես համամարդկային հիմնախնդիր: Նշվում է, հատկապես, այլազգի գրողի՝ հայոց ազգային կերպի և լեզվամտածողության իրողությունների ըմբռնման և ճանաչման կարողությունը, ինչը թույլ է տալիս նրան հանգելու ոչ միայն սեփական ազգային արժեքների ճշմարտացի ընկալման, այլև՝ համամարդկային հիմնախնդիրների վերաբերակումն: